

Как приготовить счастье

Анастасия Роммель

Анастасия Роммель

Как приготовить счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63972472

SelfPub; 2024

Аннотация

В этом сборнике представлены первые художественные произведения автора. Несмотря на незамысловатость, эти истории заставляют задуматься о том, как быть счастливым человеком. В этих повествованиях каждый может увидеть себя, а спокойное развитие сюжета, простая речь вызывают те эмоции и мысли, о которых многие уже забыли в современном ритме жизни.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анастасия Роммель

Как приготовить счастье

Говорят, человеческая жизнь напоминает светофор: человек постоянно вращается вокруг трех основных цветов. Зажигается зеленый свет – и он счастлив. У него столько сил и возможностей творить свою собственную судьбу, в его душе царит гармония и спокойствие. Улыбка играет на лице, а в полных надежды глазах сияет любовь к жизни. Необыкновенное чувство завораживает своей чистотой, дарит упоительное наслаждение от человеческого существования. «О мгновение, не улетай, продлитесь года, пока я жизни издыханье последнее не отведу», – молит в творческом экстазе человек. Но в эйфории чувств и действий он не вспоминает об изречении Соломона, мудрейшего царя, осознающего работу колеса Фортуны. Он говорил: «Все проходит, и это тоже пройдет». Ничто не вечно. Ничто не вечно. Ничто...

И вот уже желтый свет сменил воодушевление человека на легкое, словно перышко, сомнение. Оно игриво начинает щекотать человека по кончику носа, и человек, стараясь не обращать на него внимания, начинает нервно смеяться, отталкивает его ладонью. Пусть перышко его отвлекает,

но он все еще думает о своих мечтах, строит в голове оборонительные стены для своей удивительной жизни, к которой он готовился. Вот нос уже зачесался, и хочется чихнуть. Перышко становится больше, ворсинки удлиняются, а стержень тяжелеет. Теперь его прикосновения не похожи на нежную щекотку. Это не легкое лобзание, а хлестанья, разрывающие плоть удары. Но человек все еще стоит на ногах, он закрывает лицо руками и качает головой из стороны в сторону в надежде, что у него выйдет устоять. Ничто не вечно. Ничто не вечно. Ничто не...

Желтый свет усиленно мигает, словно торопится поскорее уступить место своему старшему брату. Удивительная метаморфоза приключается с пером: стержень раздувается, трещит, и в бородках зарождается новая жизнь. Еще мгновение – и вот две когтистые птичьи лапы появляются из стержня, больше похожего на уродливое деформированное птичье туловище; а вот разворачивается и перистая шея с вороньей головой без глаз. И в этот момент решается судьба человека, теперь у него только два пути. Первый – в ужасе пятиться назад, молясь найти укрытие; но, озираясь по сторонам, человек понимает, что он посреди ледяной пустыни. Его тело дрожит на пронзающем ветру, а сердце охватывает немой ужас при виде гигантской безглазой птицы, которая, кажется, становится все больше и больше. Без какой-либо надежды на спасение, человек в отчаянии падает на землю, позволяя когтистым лапам

впитаться в его спину и разорвать на части. Второй путь – понимая всю фатальность ситуации, решить сражаться до последнего. Человек ищет слабые места этой жирной отвратительной птицы, надвигающейся на него, он уворачивается от ее лап, хватая длинный хвост и вырывает перья. Птица в недоумении отталкивает его, наносит удар, но человек, истекая кровью, снова с воплем бросается на зверя, нанося ему увечья. Кажется, ожесточенный и неравный бой скоро подойдет к концу, в человеческом сердце пропадает страх. Зверь же, утратив подпитку, теряет силы. Он слабеет и уже сам уворачивается от человека. Еще немного. Слышится тиканье часов вдалеке, человек оборачивается и замечает, что тучи рассеиваются, и ледяную пустыню начинает освещать солнце... Ничто не вечно. Ничто не вечно. Ничто не вечно. Монстра больше нет, на его месте лишь гора пепла, из которого появляется белоснежный голубь. Так снова загорается зеленый свет человеческой жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

«Скука... Ску-у-ка. Какая ску-у-ука, – вздохнула молодая женщина с выразительными, но отмеченными глубокой болью серо-голубыми глазами. – А от скуки рождается гнев. О гнев, ты меня уже насквозь пропитал! Так, а сейчас, что я чувствую сейчас? Ох, ну конечно, эта знакомое и приятное чувство злости. Но на кого? На весь мир! На себя! На родителей и мужа! На ребенка! Да на соседей, на дворовую собаку и продавцов в супермаркете! Да на всех... Но больше все-таки на себя саму».

Вот такой привычный монолог прокручивала у себя в голове Ольга во время обеденного перерыва, со страхом ожидая новых телефонных звонков, новых писем, старых писем, на которые нужно успеть ответить до конца рабочего дня, неопытных новичков с сотней наиглупейших вопросов.

«Почему так хочется просто сбежать? – опять задала себе вопрос Ольга, вцепившись взглядом во входную дверь их офиса. – Просто свалить отсюда, захлопнуть дверь и побежать... побежать... куда?»

Домой Ольге не хотелось. Несколько лет назад она с тру-

дом смогла дожидаться, когда же дочку возьмут в детский сад, чтобы поскорее выйти на работу и поменьше находиться в этом мрачном, лишенном любви и заботы месте, называемом домом. А тут она хоть и чувствовала себя загнанной лошастью, но работа давала ей некую свободу – финансовую уж точно, – общение и, в конце концов, оправдание перед мужем. Ведь он не единственный, кто может уставать, а значит, не имеет права ее в чем-либо упрекнуть.

От воспоминаний о доме Ольга тяжело вздохнула и задержала дыхание. Она, казалось, уже ничего не чувствует. Нет ни боли, ни надежды, есть только злость. О да, злость на мужа, на родителей, которые могли бы ее отговорить совершить эту ошибку. Ошибку?

Но ведь все было не так уж плохо вначале. Он ее любил, это она точно знала. А вот любила ли она его, не могла ответить даже себе. Вдруг перед глазами всплыл образ ее Варюшки. Ее тоненькие светлые волосы, маленький носик с яркими веснушками, маленькие розовые пальчики. Стоит заметить, что это всегда была «моя» дочь для врачей, «моя» девочка для воспитателя, «моя» Варюшка. Но никогда «наша», даже для мужа. Но все равно Ольга была уверена, что Варя больше папина дочка. Как они могли вместе играть, веселиться, строить домики из кубиков и даже играть в папу Свина и Пеппу... Она так не умела.

«Ну нет, как я только могу называть ошибкой то, что подарило мне мою лучшую часть самой себя, мою доченьку?» –

грустно улыбнулась Ольга.

Она спрятала в ящик стола опустевший обеденный контейнер из азиатского кафе, еще раз проверила часы на рабочем столе, глубоко вздохнула и открыла нужную программу.

– Ммм, – Ольга развела руки в стороны, подняв голову к потолку, – спасибо, всего лишь двадцать семь новых писем, плюс тринадцать неотвеченных. Прорвемся, что ж поделаешь?

Ольга сосредоточилась на клиентах и их вопросах, претензиях, пожеланиях и благодарностях. Она отдавала им всю свою энергию, она знала, что именно от нее часто зависит, станет ли клиент постоянным или перейдет к конкурентам. Да и меланхоличные мысли оставляли ее в покое на некоторое время. Наверное, за эту передышку от личных проблем она и была благодарна работе.

Следующие четыре с половиной часа прошли за экраном рабочего компьютера. Одно письмо сменялось другим. По первому предложению Ольге сразу становилось понятно, к какой категории отнести этого клиента: крючок или жук.

Специалисты по работе с клиентами в их фирме называли крючками легкие случаи, тех клиентов, которые просто хотели подробнее узнать о товаре или обращались с мелкими, легко решаемыми вопросами. Жуки же быстро передавались самым опытным специалистам. Только человек с уймой опыта, самообладанием и хорошим уровнем рабочего пофигизма мог справиться с жуками. Ходила рабочая легенда о том,

как один специалист по работе с клиентами настолько заболела одного жука, что тот передумал подавать на компанию в суд. Говорят даже, что ей за это дали премию, размер которой постоянно менялся в зависимости от того, кто рассказывал эту историю. Одни говорили о двадцати пяти тысячах рублей, другие убеждали, что сумма не превышала рядового аванса сотрудника низшего звена. Но в душе каждый клиент-менеджер мечтал повернуть нечто подобное.

Ольге, по правде говоря, было все равно. Нет, когда она только начинала свою карьеру тут, ее тоже вдохновляла эта история. В первую неделю своей стажировки – это было почти четыре года назад – она даже рассказала мужу об этом случае. Он тогда улыбнулся и сказал, что она у него еще та «акула», так что боссы могут спать спокойно.

Стук клавиш разносился в воздухе настолько слажено, что неискушенный музыкальный критик мог бы подумать, что это новое творение современного музыкального жанра. Игра на клавишах, точнее, на клавиатуре.

Время шло. Письмо за письмом. Рабочий день тянулся к своему законному завершению. Звук от стучащих по клавишам пальцев становился все менее ожесточенным; то с одного, то с другого рабочего компьютера доносился звук выключения. Ольга просидела на несколько минут дольше, чтобы ответить на два-три лишних письма: тогда завтра утром хоть ненадолго, а будет меньше.

– Вот такие у меня радости, – закрывая браузер и выключо-

чая компьютер, подумала Ольга.

«Сегодня вторник, значит Варю забирает из школы мама», – вспоминала по пути к автобусной остановке Ольга. Это было весьма кстати. Оля хотела забежать в магазин и купить сыра, маслин и винограда, чтобы устроить дома особенный ужин. Давно они с мужем не ужинали вместе: она приходила чуть раньше и разогревала себе то, что могла найти в холодильнике, а потом торопливо варила для супруга пельмени или раскладывала по тарелкам готовую еду из супермаркета

Заняв в автобусе место у окна, Ольга достала телефон и набрала маму.

– Привет, мам. Ты у себя или у нас? Отлично! Слушай, а можно Варя сегодня останется у тебя? Нет, ничего не случилось, просто хочу с Женей побыть вдвоем. Как ты сразу согласилась, – рассмеялась Ольга, стараясь говорить все тише в переполненном автобусе.

– А дай мне Варю на минутку. Варечка, котик мой, привет! Как в школе дела? Понятно, слушай, Варечка, бабушка хочет, чтобы ты у нее сегодня осталась, а то ей совсем грустно. Нет, в школе у тебя завтра все то же самое и рисование, не переживай. Все, пока, котик, люблю тебя сильно-сильно!

Последними словами мамы для Ольги были: «Будь поласковой, Оль, тут главное – отношение. Мужчины – они как глина, лепи что хочешь, но только нежностью да лаской, ты ведь знаешь». В ответ на это Ольга промолчала и попроща-

лась, посмотрев на проносящиеся за окном машины. Ей всегда нравилось наблюдать за людьми в них. Она даже нашла способ скоротать время в дороге – воображать истории их жизни.

Вот, например, проезжает новенькая чистая иномарка, за рулем – делового вида молодая женщина разговаривает по телефону, на соседнем сиденье гора папок. А на заднем – двое деток. Она – бизнес-леди, создавшая жизнь своей мечты сама, а, может, разведена и теперь доказывает всем вокруг, что и сама может воспитать детей не хуже, чем их горе-папаша.

«Жаль, не успела рассмотреть, есть ли у нее кольцо», – вдруг подумала Ольга, уже прокрадываясь в машину другого человека. Простенькая машинка, за рулем молодой парень, наверное, студент. Интересно, он из тех, кто много работает в свободное время, стремясь к лучшей жизни, самостоятельно заработал на первый автомобиль? Или же он из тех, кто прожигает молодость, гоняя по вечернему городу в нетрезвом состоянии вместе с еще менее трезвыми друзьями, не зная, кто он и зачем живет?

Ольга совсем потеряла счет остановкам, глубоко погружившись в мысли о чужих жизнях.

– Вот же черт, – выругалась девушка.

Несколько пассажиров недоуменно посмотрели на нее.

– Остановите! – прокричала Ольга водителю, пробираясь через толпу серых и сонных людей.

«Ну вот почему именно сегодня я должна была проехать остановку? – она посмотрела, есть ли на противоположной стороне дороги еще одна, чтобы не идти пешком. Ее не было. – Ладно, пойду пешком, тут недалеко».

По пути домой она забежала в супермаркет, чтобы купить чего-нибудь особенного. Пропустить остановку! Настроение девушки немного испортилось, но она пыталась сознательно взбодрить себя. Для этого Ольга представила удивление Жени, и ей даже стало как-то тепло на душе. Все это было странно: чувство детской радости потихоньку стало наполнять сердце, хотя в этот сюрприз она вкладывала последние крохи сил.

Быстро забросив в корзину киви, тяжелую горсть винограда в бумажном пакете, кусочек настоящего итальянского пармезана и упаковку бразильских орехов, она поспешила на кассу, обгоняя неспешных покупателей.

«А еще я включу какую-нибудь чувственную музыку», – лукаво прищуriv глаза, подумала Ольга.

Ольга быстрым шагом подошла к подъезду, открыла магнитным ключом железную дверь и почти бегом стала подниматься на третий этаж. Лифт у них был, но она была приверженцем идеи, что физически нагружая себя в течение дня, не придется бегать по спортзалам и тратить время на фитнес. А этого она терпеть не могла. Да и кому в здравом уме понравится таскать железки, обливаясь потом в обществе подкачанных людей, постоянно оценивающе рассматривающих

твои скромные формы? Ольга сомневалась, что во время таких истязаний могут вырабатываться эндорфины. По крайней мере, она за собой такого не замечала.

Дома еще никого не было. Ольга с облегчением поняла, что до прихода мужа есть как минимум час, который она посвятит легкой уборке и приготовлению ужина.

Первым делом Ольга попрятила вещи, валяющиеся на видных местах, затем принялась за мытье посуды, оставленной ими после завтрака. Она подмела полы, протерла кухонный стол, заляпанный вареньем и кофейными узорами, убрала игрушки с подоконника.

«Ну что ж, теперь подогреть пасту, порезать сыр, достать вино и выложить маслины, – облегченно вздохнула Ольга, посмотрев на настенные часы. – Несколько минут еще есть. Отлично!»

Входная дверь щелчком затвора предупредила о возвращении мужа. Ольга легким движением руки поправила волосы, брови, проверила дыхание и, улыбаясь, вышла в коридор.

У двери стоял молодой, сбитый мужчина в очках. Дутая куртка не сочеталась с деловым кожаным портфелем, с которым он ходил на работу, из-под уставших от стирок джинсов выглядывали зимние ботинки спортивного стиля. В целом его вид был немного нелепым, но в рамках принятого, так что можно было сказать, что выглядит он как большин-

ство мужчин в городе. Ничем не примечателен, ничего такого, что бы приковывало к нему взгляд прохожего. Да Ольгу это и устраивало, по крайней мере, он не привлекал внимание других женщин. Именно поэтому она никак не пыталась помочь ему с имиджем, хотя в душе уважала тех, кто следит за своим внешним видом.

– Привет, – Ольга помогла мужу повесить куртку на крючок, пока тот снимал обувь, наклонившись к самому полу.

– Привет, – сухо кинул в ответ Женя, даже толком не взглянув на жену.

– Как день? – предприняла очередную попытку завязать разговор Ольга.

– Сойдет.

Женя прошел мимо жены, сразу плюхнувшись на диван в зале, и включил телевизор.

– А где Варя? – крикнул он из зала.

– У мамы, – ответила Ольга, собрав всю силу воли, чтобы не звучать раздраженно.

– А, понятно.

– Тебе даже не интересно почему?

Из зала раздался тяжелый вздох.

– Почему?

– Наверное, потому что я хотела побыть сегодня вдвоем, приготовила ужин, – Ольга подошла к нему и встала рядом с телевизором, от которого не отрывался Женя, хотя по каналу крутили рекламный ролик.

Он удивленно посмотрел на нее. Впервые заметил, что жена надела шелковый халатик, но при этом еще не смыла макияж, даже напротив, губы ее горели красным огнем от помады.

– А Варя нам как-то помешала бы, – мрачно ухмыльнулся Женя, поворачиваясь к телевизору.

Ольга не могла поверить своим ушам: такого скотского поведения она никак не ждала сегодня! Столько стараний! Эта глупая идея романтического ужина, поиск подходящей музыки, праздничное белье с кружевом! Сначала обида, а потом уже злость нахлынули на уставшую девушку, которая так искренне хотела порадовать мужа.

– Я приготовила ужин, зачем-то решила сделать тебе приятное, – сквозь зубы проговорила Ольга, не отводя глаз от безучастного лица мужа.

– Ужин? – переспросил Женя. – Что, настоящий ужин, прям тобой приготовленный? Вот это что-то новенькое!

Мужчина снова ухмыльнулся, поднимаясь с дивана:

– Ну что ж, пойдем посмотрим на восьмое чудо света.

Он подошел к кухонному столу и внимательно разглядел все, что на нем лежало.

Паста, приготовленная еще в воскресенье, сверху, правда, посыпанная сыром, бокалы с красным вином, тарелка с нарезанным сыром, маслинами и орехами, фруктовый салат, праздничные салфетки и даже две зажженные капсулы-свечки с кофейным ароматом.

Женя покосился на стоящую в проходе жену. Она улыбнулась, встретив его взгляд, и приподняла брови, словно говоря: «Вот видишь, я постаралась, а ты еще привередничал».

– Ха, вот это ты хозяйшкa, ничего не скажешь.

– Ты о чем сейчас?

– Да ничего, просто нарезать сыр – не то же самое, что приготовить ужин. На случай, если ты еще не знала.

– Да ты издеваешься?! – вдруг вскричала Ольга. – Если ты не забыл, я сегодня работала и пришла всего на час раньше тебя!

– Ну, могла бы хоть котлет наделать, – пожал плечами Женя, – дело двадцати минут.

– Каких котлет?! – кричала Ольга. – Я еще и убрать успела, и посуду помыть!

– Давай я теперь буду благодарить тебя за твои же обязанности? Благодарю великодушно, Вы так постарались! Простите, что не поставил Вам памятник, обещаю это исправить в ближайшее время.

– Да закрой ты свой рот! – расплакалась Ольга. – Почему тебе всегда нужно все испортить?

Девушка развернулась и ушла в спальню, многозначительно хлопнув дверью. Она не могла сдержать слезы, не понимая, почему все пошло не так. Она не планировала сегодня закрываться в спальне и в одиночестве рыдать от обиды на мягкой двуспальной кровати. Ее надежды на счастливый семейный вечер не оправдались.

Внезапно она услышала, как муж сделал телевизор громче. Лицо Ольги перекошилось от гнева. Она открыла дверь и посмотрела на мужа, спокойно сидящего на диване в рабочей одежде.

– Что, сделал громче, чтобы не слышать, как ты довел меня?

– Сделал громче, чтобы услышать, что говорят по телевизору, – Женя передразнил жену, копируя ее интонацию.

– Какой же ты бесчувственный! Ты испортил вечер, мое настроение, все испортил! А теперь сидишь и пытаешься паясничать.

– Да кто тебе что испортил? Я тебе просто сказал, что не надо строить из себя мученицу, когда все, что ты сделала – это открыла банку маслин.

Ольга пристально смотрела на мужа и больше не могла здраво оценивать ситуацию, ее разумом всецело овладели эмоции, которые она уже была не в состоянии сдерживать.

– Ты всегда был таким! Тебе наплевать на меня и мои старания, я хоть как-то пытаюсь достучаться до тебя! Ты же приходишь домой только поспать! Ой, извини, – ехидно заметила Ольга, – похрапеть под моим боком, ведь больше ты уже ни на что не способен.

Женя вскочил с дивана, пульт с его колен упал на пол, но он даже не взглянул на него.

– На что я не способен?

– А вот именно, что ни на что ты не способен, только

жрать да спать – я это так называю. Денег приносишь сушие копейки, я Варе почти все сама покупаю, дома кран уже месяц течет, а про то, что мне цветков только на день рождения подарить можешь, я просто молчу!

– Это я ничего не приношу в дом?! Я ничего Варе не покупаю?! Это ты лучше молчи, я только ради дочки и прихожу еще сюда.

Ольгу словно облили ледяной водой.

«Приходит домой только ради дочки», – повторила про себя Ольга, почувствовав нестерпимую боль.

– А про цветы я просто молчу, ты же не замечаешь ничего хорошего! Да и цветы должно хотеться дарить! – продолжал Женя.

– А мне, значит, не хочется?

– Представь себе, нет.

– Ах вот оно что, – Ольга подошла ближе к мужу, – тогда про ужин я могу сказать то же самое. Мне просто не хочется тебе его готовить, понял? Ведь ты даже спасибо сказать не умеешь, а зачем тогда стараться?

– Да не старайся, я и в другом месте поесть могу, – нарочито подчеркнув слово «другом», Женя вышел в коридор и стал куда-то собираться.

Ольга выбежала за ним, пытаясь осознать сказанное. Что он имел в виду под этим «в другом месте»? Говорил ли он о кафе или столовой, или же он говорил о другой... Другой женщине?

– Куда ты собрался на ночь глядя?

– Не твое дело.

– Что значит; «не мое дело»? Я все еще твоя жена, если ты не забыл, так что ты остаешься дома, я тебя не пускаю!

Женя продолжал одеваться; он уже надел шапку и повернулся за курткой, как вдруг Ольга встала перед дверью, загородив ее собой.

– Ты никуда не пойдешь, я сказала!

– Отойди по-хорошему, я уйду!

– Куда, куда ты собрался? Отвечай!

Женя попытался дотянуться до дверной ручки, но Ольга стала кричать, отталкивая и сыпля угрозами.

– Если ты сейчас уйдешь, я тебя больше не захочу видеть! Если ты уйдешь, свои вещи будешь искать на помойке, я тебе это обещаю!

Женя посмотрел на нее так холодно и мрачно, что Ольге на секунду стало страшно. Он хоть и не в полную силу, но все же оттолкнул ее от двери. Ольга повалилась на пол. Даже не посмотрев на жену, Женя захлопнул за собой дверь.

Несколько мгновений прошло, пока Ольга переваривала случившееся: «Он меня толкнул, первый раз за все время».

Она подскочила и выбежала на лестничную площадку. Там никого не было.

«Куда он исчез?» – гадала Ольга, босиком спускаясь по лестнице и заглядывая вниз через перила.

Ей хотелось закричать, чтобы он услышал, но она боялась,

что ее может услышать и кто-то из соседей.

«А что, если он не выходил из дома? Что, если он ушел к кому-то из нашего дома?» – от этой мысли у Ольги свело ноги.

«Он бы не смог», – неуверенно подумала Ольга и расплакалась так, как никогда еще в жизни не плакала.

Бессонная ночь, казалось, длилась вечность, Ольга никак не могла прийти в себя. Сначала она безутешно плакала и стонала, обняв дрожащими руками подушку. Затем в полумраке она смотрела на свое отражение в зеркале, пытаясь понять, когда она стала той, от которой уходят в зимнюю ночь. Поначалу ее заплаканное лицо в отражении вызвало сочувствие и жалость. Она ненавидела мужа за то, как он толкнул ее в коридоре и даже не извинился. Она ненавидела его за то, что он ушел. Она ненавидела его за то, что теперь она была одна. Но тут в отражении ее лица будто что-то поменялось. Оно улыбнулось ей, но улыбка была страшной и отталкивающей. Ольга ясно услышала свой голос, но теперь он был жесткий и холодный.

Теперь она обвиняла себя. В том, что когда-то поспешила выйти замуж, что не занялась карьерой, а родила дочь, которая теперь будет жить в неполной семье. Ольга не простит Жене его выходку. Да и не ясно, вернется ли он к ней. В голове промелькнули кадры из фильмов «Москва слезам не верит» и «Эрин Брокович».

«В конце концов, – мысленно подбадривала себя Ольга, – я закончила ВУЗ с красным дипломом, я могу работать и больше не думать о том, что я плохая жена».

Она начала убеждать себя, что уход мужа даже к лучшему. «То, что мертво, умереть не может», – вдруг вспомнилась ей фраза из сериала, который они когда-то давно смотрели с мужем по выходным. Правда, она не могла вспомнить, кто и по какому поводу это сказал, но он был явно прав. Их отношения – как она размышляла, – больше походили на восковую фигуру в музее или на манекен в магазине. Издалека могло показаться, что это живой человек, но подойдя поближе, понимаешь, что, несмотря на всю пугающую человечность, в этих фигурах нет жизни, нет души. Вот и с ее семьей было так же.

«Пусть лучше Варя растет без отца, – утешала себя Ольга. – С Женей они смогут встречаться, если она захочет, зато ей не придется видеть, насколько оба родители несчастливы вместе. Это убьет ее веру в семью».

Ближе к трем утра Ольга вышла на кухню, чтобы убрать со стола. Заметив догоревшие свечи, она не могла не провести аналогии с их с Женей потухшими чувствами. Отголоски вчерашней ссоры и бессонная ночь отпечатались на лице девушки: к давно привычным черным кругам прибавились опухшие веки и красные заплаканные глаза. Ольга решила не прятать нетронутую еду в холодильник.

«Пусть это все выметается отсюда, как и он сам», – поду-

мала девушка, выкидывая все в мусорное ведро.

Когда кухня была очищена от следов вчерашнего несостоявшегося ужина, Ольга взяла бокал вина и подумала затопить им чувства. С первым глотком сладко-пряный вкус вина разлился во рту, согревая и утешая девушку. Она уже хотела сделать второй, но вместо этого с внезапным страхом бросила бокал на пол; он вдребезги разбился на множество мелких осколков. Ольга сделала это машинально, совершенно не думая. словно кто-то внезапно толкнул ее.

Девушка опять провела печальную аналогию со своим развалившимся браком. Она долго смотрела на осколки, благодаря себя, что поступила именно так. Алкоголь всегда был для нее чем-то неприятным, она позволяла себе пригубить вино или шампанское только в большие праздники в кругу семьи и друзей. Но пить в одиночестве, чтобы залечить душевные раны – это было для нее показателем величайшей слабости духа. Она презирала таких людей. Вот одна из причин, почему она в свое время вышла замуж за Женю: он совершенно не пил. Даже хороший коньяк или марочное вино его совершенно не прельщало.

«Нужно поскорее убрать осколки и вытереть красную лужу, чтобы пятно от вина не высохло», – подумала Ольга, вставая из-за стола.

Вернувшись в спальню, она выглянула в окно, посмотрев на черное ночное небо: на улице все еще горели фонари, кружил легкий снег, в некоторых окнах квартир уже был зажжен

свет. Все олицетворяло холодное спокойствие, которое стало потихоньку воцаряться в сердце девушки. После долгих тревожных часов, проведенных в слезах и мрачных мыслях, спокойствие или хотя бы безразличие было весьма кстати.

«Где он сейчас? – вдруг подумала Ольга, наблюдая за пустынными заснеженными улицами. – Не на улице же в такую ночь?»

Но тут она разозлилась на себя саму за то, что беспокоится о том, кто первый обидел ее, толкнул – и сам ушел без объяснений.

Нет, такого она не могла себе позволить, и поэтому стала будить уже утихающее чувство обиды. Надо было идти спать, поэтому она взяла телефон, и, борясь с отголоском желания позвонить мужу, написала e-mail своей начальнице, предупредив, что из-за резко поднявшейся температуры, которая изводит ее весь вечер и всю ночь, она не придет на работу.

Отложив телефон в сторону, она спряталась под одеяло и быстро погрузилась в тревожный сон, даже не смыв макияж.

Глава 2

Целый день лил дождь. Снег, еще несколько дней назад рисовавший картину зимней сказки, превратился в грязные потоки слякоти. Небо, затянутое тучами, создавало впечатление, что город погрузился в вечные сумерки. Унылое настроение погоды словно оправдывало не менее пессимистичный настрой девушки.

«И без того серые лица людей посерели от отсутствия солнца и порывистого холодного ветра, задувающего до самых костей», – заметила Ольга, возвращаясь с работы. Конечно, у нее не было ни единого сомнения, что она прекрасно вписывается в эту картину. Даже более того, с опухшими от многодневных слез веками и темными от постоянных переживаний кругами под глазами она могла бы возглавить это общество серой уставшей массы.

Уже прошла почти неделя с тех пор, как муж ушел. Он не написал, не позвонил, Ольга не знала, на что ей рассчитывать, у нее было желание написать Жене все, что она о нем думает. Сказать, что он недостоин даже того, чтобы из-за него переживать, что пусть живет где хочет и с кем хочет, что ей все равно. Но она не решилась.

От подруг она слышала советы, которые напрочь противоречили советам ее мамы, у которой она с Варей сейчас жила: дочку Ольга убедила, что папа уехал по работе в другой

город, откуда пока не мог звонить. Но главное, что их советы противоречили ее собственному пониманию, что нужно делать.

Услышав очередное наставление мамы, что нужно позвонить мужу, надавить на совесть отцовскими обязанностями, встретиться и все обсудить, она вдруг осознала, что так всю жизнь и живет. Советы от одних, потом поучения от других, ну и вишенкой на торте всегда были напутствия ее мамы. Правда, совет – это то, что можно принимать или не принимать по желанию. В случае Ольги почти все полученные советы были обязательны к исполнению. Она стала отчетливо понимать, что всю свою жизнь делала только то, что хотели от нее другие.

Если кружки в детстве – то только те, которые выбрали родители, а не те, на которые она хотела ходить. Если оценки – то только «отлично». Учеба в школе на «хорошо» была достаточно позорным делом, ведь все всегда считали, что вот «Олечка у нас точно далеко пойдет».

Озираясь на свою «тюремную» жизнь, она даже считала каким-то чудом, что в свое время смогла уговорить родителей разрешить ей выбрать журналистику, которая не входила в список перспективных профессий, по мнению мамы с папой. Странно и то, что тогда она думала, будто эта специальность будет свежим дуновением ветра в ее тухлой жизни. Но уже на втором курсе университета она стала учиться ради самой учебы. Оценки ради оценок, похвала ради самой

повалы. Ее не интересовало будущее в амплуа журналиста. Наверное, она никогда и не хотела им быть, просто осознала, что на педагога младших классов ей никто не даст пойти, поэтому и выбрала – по совету тети – то, что хоть как-то отличалось от родительских планов. Тетя помогла убедить маму, что этот диплом откроет перед Ольгой многие дороги в разных сферах. Конечно, она ошиблась. Ведь не диплом открывает дороги, и не хорошие рекомендации от преподавателей. Дороги открывает жадность к знаниям в выбранной сфере, желание развиваться и внутренний огонь, зажигающий не только человека, нашедшего себя, но и всех находящихся подле него. С ней такого не произошло.

Забавно, но только сейчас Ольга поняла, что не сама выбрала университет и профессию. Раньше она гордилась, что хоть что-то сделала сама. Сейчас же с горечью в сердце поняла, насколько жалко выглядела ее жизнь.

Что уж говорить, если даже друзей в школе выбирала ей мама. Нет, она не может сказать, что не дружила с этими wybranными для нее одноклассницами в детстве, но больше всего она любила Марину, с которой они играли вместе в начальной школе. Но узнав о неблагополучных Марининых родителях, Олина мама мягко, но настойчиво запретила водиться с такой подругой.

Несмотря на то, что Ольге было уже почти тридцать лет, она все еще не могла простить себя за слова, сказанные Марине в пятом классе. Поначалу она просто старалась ее из-

бегать, делая вид, что ей постоянно нужно куда-то срочно пойти, если Марина пыталась заговорить с ней. В какой-то момент Ольге показалось, что план сработал: Марина словно сама перестала искать ее компании. Но однажды Марина подошла к ней в коридоре на перемене, когда Оля была совсем одна, и потребовала объяснений. Она искренне думала, что как-то обидела Олю, сама того не понимая, и хотела попросить прощения. Оля же из-за своей трусости не смогла придумать ничего лучше, как сказать правду: ей запретили общаться с Мариной из-за возможного плохого влияния со стороны Марининой семьи.

Марина, эта маленькая девочка из не самой лучшей семьи – по мнению мамы Оли, – долго смотрела на подругу поблескивающими от слез карими глазами.

– Почему твоя мама так думает? – дрожащим голосом спросила девочка.

– Ну, – вцепившись в косички, протянула Оля, – это из-за того, что твой папа пьет и не заботится о тебе и об Игоре. Мамы у вас нет, вас некому воспитывать, а значит, ты можешь плохо на меня повлиять, – почти шепотом выдала Оля, опустив глаза в пол.

Она не хотела встречаться взглядом с Мариной. Оля знала, что не смогла бы сказать ей все это в лицо. Она рассматривала потертые кроссовки Марины, в которых та ходила в школу, потому что у нее не было другой хорошей обуви. Прямо напротив этих кроссовок блестели хорошие кожаные

туфли Оли. Она все еще не поднимала глаз, просто смотрела на Маринины худенькие ножки с выпиравшими коленками.

– Это так жестоко, Оля. О, как же это жестоко, – мрачно, сквозь слезы выдавила Марина и побежала в сторону женского туалета.

Это действительно было жестоко. Оля часто вспоминала об этом дне, хотя с тех пор прошло почти два десятка лет. С Мариной они больше не общались, просто постепенно стали совсем чужими людьми, Оля нашла новую компанию. Они перестали существовать друг для друга, по крайней мере, делали вид.

Однажды – это было в девятом классе – Марина просто перестала ходить в школу. Сначала все думали, что девочка просто заболела, и не обращали внимания на ее отсутствие. Спустя несколько недель Оля все же задала вопрос учительнице во время урока. Оказалось, что Марину забрала служба опеки, так как ее отец часто подолгу пропадал, а соседи уже не могли закрывать глаза на то, что детям элементарно бывало нечего есть, и вся работа по дому лежала на четырнадцатилетней девочке.

В тот же вечер Олина мама заявила, что не зря запретила дочери общаться с такими людьми.

– Вот ты еще увидишь, она закончит на улице, – любила повторять мама.

Оля никогда ей не перечила, хотя в душе знала, что это никогда не случится. Марина была очень доброй, настоящим

ангелом, и мечтала о крепкой семье, где будет полон дом детей, которые будут расти в атмосфере любви и заботы. Марина была целеустремленной: еще ребенком она точно определила, чего хочет от жизни. Она пошла от обратного, решив, что в ее собственной семье будет все то, чего в детстве не хватало ей самой.

Она любила отца, но мечтала поскорее повзрослеть, забрать младшего брата и уйти, чтобы не видеть пьяных друзей отца, его деградацию, от которой было физически больно. Вот такой была Марина. Она была невероятной. Оля ее не жалела, она ей восхищалась. Нет, конечно, ей было грустно, что жизнь Марины сложилась именно так, но внутренняя сила этой девочки не могла быть сломлена ни насмешками девочек в школе, ни отцом, ни прогнозами Олиной мамы.

Но вот в девятом классе ее забрали, и больше Оля о ней ничего не слышала.

Мысли и воспоминания о прошлом охотились за Ольгой днем, а ночью проникали в ее сны смутными картинками и образами.

У мамы дома все было не так спокойно, как хотелось бы. Каждый вечер после работы они с мамой за столом в кухне обсуждали все, что произошло, и как нужно было поступить. Мама сначала жалела Ольгу, но длилось это не долго, уже спустя несколько дней она стала намекать, что виновата в этой ситуации именно ее дочь. Мама, конечно, не говорила напрямую, но постоянно критиковала ее поведение в семье,

особенно отношения с мужем.

Ольга же, обычно молчаливо выслушивавшая все упреки и замечания матери, на этот раз встала в оборонительную позицию. А на шестой день после ухода мужа, когда Варя играла в комнате бабушки, Ольга не стала терпеть очередной совет мамы, и сама пошла в наступление.

– То есть и в этом я виновата? – поинтересовалась Ольга, сидя напротив мамы за кухонным столом.

– Я не говорю, что только ты одна, но признай, что все-таки муж ушел от тебя, а не ты от него, а значит что-то и с тобой не так, – спокойно объясняла мама.

– Да со мной все, видно, не так, раз я в это все изначально вляпалась.

– Ну ты же сама решила пойти учиться на журналиста, а тебе говорили, что нужно было строить карьеру, думать о будущем, а не глупостями заниматься, – так же спокойно заявила мама, попивая чай без сахара.

– Да при чем тут это? – в глазах Ольги заблестели слезы. – Я и журналистом-то не хотела быть, раз уж на то пошло.

– Что значит «не хотела»? – Антонина Олеговна закатила глаза и покачала головой в неудовольствии. – Все мозги нам с отцом проклевала тогда своим «журфаком», вот и пожинай плоды, работаешь непонятно где, на должности, для которой и среднего образования с головой хватит.

– Да, не пригодился мне диплом, но дело-то не в этом, – жалобно смотрела на маму Ольга, вдруг испугавшись, что

вступила с ней в спор.

– Не в этом, а в чем?

– А в том, что я всю жизнь исполняю твои приказы, вот в чем!

На мгновение в кухне воцарилась полная тишина, обе женщины не могли поверить в то, что происходило сейчас между ними. Антонина Олеговна впервые услышала обвинение от своей единственной дочери. Ольга же вдруг почувствовала невероятное облегчение.

– То есть это я виновата в твоих неудачах?

Это было произнесено дрожащим голосом с ярким оттенком нарастающего гнева. Ольга посмотрела на свою все еще хорошо выглядящую мать, которая была для нее почти Богом на Земле, но страха больше не было.

– Нет, но в том, что благодаря твоим вечным советам, я совершила много ошибок в жизни, не сомневаюсь.

– Да как ты смеешь обвинять меня?! Ты посмотри на нее! Я тебе всю жизнь отдала, силы свои и время! Я все делала, чтобы ты человеком стала, чтобы ты добилась успеха, а в итоге я и виновата! Вот это новость, послушай только!

– Я не сомневаюсь в твоих стараниях, – заплакала Ольга, – просто я всю жизнь жила так, как хотели другие. Даже замуж вышла за того, кто нравился вам с отцом.

– Да где бы ты была, если бы не Женя? Ты вспомни свои вечные пустые метания: то в одного влюбишься в университете, потом плачешь, потом со вторым – и опять слезы. Да

ты выбирать же не умела!

Антонина Олеговна поднялась со стула и наклонилась к дочери, тыча пальцем в ее лицо.

– Ты только вспомни, как ты закрывалась в ванной комнате и рыдала там из-за своего Кирилла, которому и не нужна была совсем, – властно продолжала женщина. – Это его ты выбрать хотела, это с ним бы ты жила своей идеальной жизнью?

Ольга молчала и смотрела в пол, вспоминая отдельные картины событий, о которых говорила мама.

– Вот то-то и оно! А Женя был подарком для тебя, если бы не он, то... Я даже и не знаю, что тогда. Так что ты мне не говори, будто мы с отцом тебе жизнь испортили, мы ее тебе спасли. Да и насильно тебя никто в ЗАГС тянул, или я ошибаюсь?

Ольга все еще молчала, понимая и даже принимая то, что мама в чем-то была права. По крайней мере в том, что никто силой не заставлял выходить замуж. Она сама согласилась, только после скольких наставлений ее семьи – это уже другой вопрос.

– Знаешь, может, ты права, и я бы, если бы осталась с Кириллом или кем-нибудь еще, могла бы закончить плохо и быть еще более несчастной. Но знаешь, это был бы по крайней мере мой выбор, а не как сейчас. Где я сейчас, мама? Кто я? – снова заплакала Ольга. – От меня ушел муж. Я работаю на нелюбимой работе, и всю жизнь я боюсь того, что

обо мне подумают люди. Но еще больше – того, что обо мне подумаешь ты.

Прерывистые всхлипывания Ольги перерастали в настоящий отчаянный плач. Плач того, кто вдруг осознал, что потерял драгоценное время, и не уверен, сможет ли выбраться из ямы, в которую добровольно спускался долгие годы.

Антонина Олеговна закрыла дверь в кухню, чтобы Варя вдруг не услышала Олиных слез.

– Я устала, мама, – с мольбой посмотрела на мать дочь.

– Ты сейчас ведешь себя глупо, – холодно ответила Антонина Олеговна, скрестив руки на пышной груди, – ты теряешь контроль. Попей воды, умойся и успокойся, тебе не помешает.

Ольга бросила разгневанный взгляд на свою мать и, подскочив со стула, направилась к двери.

– Ты опять даешь мне советы, – фыркнула Ольга. – Да, я сейчас веду себя неадекватно, уж прости, но я так хочу, понятно?

Ольга вышла в коридор, ведущий из кухни к другим комнатам. Она шла решительно, высоко подняв голову. В голове крутилась только одна мысль: теперь она сама будет решать, что ей делать, с кем говорить, как воспитывать дочь и где работать!

Антонина Олеговна схватила Ольгу за руку и шепотом приказала ей не вмешивать сюда внучку.

– Оля, не надо сейчас сгоряча принимать решений, Варю

хоть не вмешивай, – взволнованно говорила Антонина Олеговна, впервые столкнувшись с непослушанием дочери. – Я тебя прошу: вам нужно разобраться, успокоиться. А Варя с кем будет-то? Со мной хоть под присмотром да накормлена.

Ольга хотела вырвать руку и сказать, что с этого момента ей ничья помощь не нужна, а дочку она заберет с собой. Но все это были эмоции и гордыня, овладевшие девушкой, которые словно стая голубей, упорхнули при виде маленькой девочки, появившейся в коридоре.

– Ма-ам, бабушка? – вопросительно протянула Варя, чувствуя что-то неладное.

Антонина Олеговна и Ольга переглянулись и еле заметно кивнули в обоюдном молчаливом согласии. Ольга знала, что сейчас у нее начинается сложный период перемен, которые она уже чувствовала кончиками пальцев. Конечно, как бы она ни злилась на свою маму, она не могла не понимать, что теперь за Варей следить некому. Женя не сможет отводить ее в школу, а ей придется взять все на себя. Это ее, в принципе, не пугало, она знала, что быстро приспособится к новой жизни. Но вот что действительно вызывало опасения – так это ее нестабильное душевное состояние, тщательно скрываемое от дочери последние несколько дней. Пока рана еще кровоточит, а значит, одно необдуманное слово, одна несдержанная слеза – и Варя все поймет, а этого Ольга пока не хотела. Еще ничего не известно.

– Варечка, ты не проголодалась? – смахнув с себя пере-

житую ссору, сказала Ольга, мило улыбнувшись дочке.

– Ну-у, – задумалась Варя, – я бы хотела блинчиков с вареньем.

– Блинчиков! – вмешалась Антонина Олеговна. – Ну что же может быть проще? Пойдем, поможешь мне их приготовить.

– Ну бабушка, там мультики идут, я хочу посмотреть! Давай я просто потом приду выбрать варенье? – игриво предложила внучка и, не дождавшись ответа, побежала в комнату.

Оля и Антонина Олеговна рассмеялись от уловки их маленькой хитрюги.

– Ладно, мам. Ты права насчет Вари. Я сейчас не в состоянии позаботиться о дочке должным образом. Нужно во всем разобраться. Поэтому спасибо, что присмотришь за ней.

Антонина Олеговна понимающе кивнула и сказала, что для нее самой это настоящий праздник, ведь когда она вышла на пенсию, оказалось, что без коллег и работы ее жизнь стала слишком одинокой. Свободного времени было больше, чем могла выдержать женщина, поэтому встречи с внучкой стали настоящей отрадой, дуновением свежего ветра в ее жизни.

В этот же вечер Ольга взяла Варю на руки и объяснила ей, что папе нужна помощь по работе, поэтому маме иногда придется уезжать на день-другой. Она убедила дочку, что это буквально на две недели, не больше. Так что Варе придется

пожить с бабушкой, а она будет приезжать в гости с подарками.

Варя сначала немного расстроилась, но появившаяся в дверях бабушка, которая смешно изобразила удивление от «случайно» услышанного, засмеялась:

– Вот это да, – она потерла ладони, словно муха лапки, – так это теперь мы сможем гулять в парке, есть мороженое и смотреть перед сном мультики, не рассказывая об этом маме с папой? Вот так да!

Антонина Олеговна подбежала к внучке и стала ее щекотать, все приговаривая, чем они смогут вместе заниматься, пока родителей нет дома. Девочка заливалась смехом, пытаясь вырваться из плена бабушкиной щекотки. Ее бледное от природы личико залилось розовым румянцем, кудрявые ленточки-локоны выбились из косичек.

– Бабушка, перестань, – смеялась Варя, – маму, маму давай щекотать!

Антонина Олеговна остановилась, давая и себе, и внучке секунду, чтобы перевести дух, а потом с криком «ну, давай и маму», они с Варей вместе набросились на Ольгу и стали ее щекотать. Все втроем они весело хохотали, валяясь и дурачась на двуспальной кровати в комнате Антонины Олеговны. Ольга, наверное, первый раз в жизни играла со своей мамой. В ее детстве такого не было: она была единственным ребенком вечно занятых родителей. Эта мысль немного омрачила ее настрой, но она понимала, что с ее стороны вспоминать

такие вещи было глупо. Родителей не выбирают, и, в конце концов, ее были не самым плохим вариантом.

Вечером Ольга уехала к себе домой, где весь вечер провела за экраном телефона, читая чужие истории измен, уходов и расставаний на разных форумах. Она смотрела видео на YouTube о том, как преодолеть разрыв с партнером, как разорвать зависимость, как выйти из разрушительных отношений. Потом, когда ей стало совсем грустно, она стала читать о том, как у людей жизнь после развода пошла в гору, как научиться любить себя и жить ради себя, а не для «козлов, которые сегодня есть, а завтра – нет».

Сначала она почувствовала себя значительно лучше. Ведь осознание того, что ты не одна попала в такую ситуацию, подбадривает. Но стоило ей отложить телефон, как она вдруг почувствовала: что бы ни происходило с другими женщинами или мужчинами, да вообще с кем угодно – ее не касается. Эти форумы тоже были переполнены великими «всезнающими» комментаторами, в видео говорили с позиции «дай-ка дам тебе совет». Но она ведь уже и так была сыта по горло советами других людей; чем же анонимные комментаторы были лучше ее семьи и друзей? Нет, она была одна в этой пустой трехкомнатной квартире, которая станет их с Женей полноценной собственностью спустя каких-то шесть лет. Ее ситуация хоть и не единственная в мире, но она ее личная, а значит, она будет принимать все решения самостоятельно. Она возьмет ответственность на себя, и если ей предстоит,

как сказала ее мать, закончить «плохо», то пусть будет так, но хоть раз в жизни она сделает то, что хочет.

Ольга под действием чисто подсознательного желания зажгла свечу и выключила везде свет. Переведя телефон в режим «в самолете», села на пол и облокотилась на кровать. Она стала просто дышать, делая каждый вдох как можно глубже и задерживая его на несколько секунд. Она знала, что для того, чтобы начать менять свою жизнь, недостаточно знать только то, чего ты не хочешь. Из разряда «я не хочу работать на этой ужасной работе», или «я не хочу, чтобы этот засранец относился ко мне, как к тряпке», ну или «я не хочу жить в этом сарае с адскими соседями, устраивающими дискотеки до трех ночи» и так далее. Трагедия же Ольги, как она стала сейчас осознавать, была даже не в том, что она не могла понять, чего же хочет в действительности, а в том, что даже не знала, что конкретно ее не устраивает. Такое чувство, будто она никогда не интересовалась у себя самой, нормально ли ей живется, чего она хочет, что думает о своей жизни. Нет, ее банально никогда не интересовало свое мнение. Ей было важно мнение даже алкаша с первого этажа, но только не свое собственное.

От этих мыслей ей стало жутко смешно. Смешно и обидно за себя саму.

– Ладно, – вдруг заключила Ольга, хлопая себя по стройным бедрам, – зато признать, что ты больна – это уже половина выздоровления.

Ольга набрала себе теплую ванну, бросила бомбочку с шоколадным ароматом и, расслабившись, продолжила в тишине размышлять о том, что ее ждет впереди.

Теперь она поняла, что все произошло именно так, как должно было произойти. «Если бы сейчас Женя не ушел, мы бы просто затухли: я бы убивала себя на нелюбимой работе, чтобы не видеть его и не слышать, он бы начал изменять или просто превратился бы в старого деда, проводящего все свободное время за телевизором. Варя бы стала стыдиться своих «отстойных» родителей и завела бы компанию с крутыми друзьями, только чтобы позлить нас», – размышляла Ольга. Она была уверена, что именно так бы все и произошло. Ольга превратилась бы в истеричку, зацикленную на успехах дочери, как и ее мама в свое время. Она бы тоже не давала делать Варе выбор, стремясь воплотить через ребенка свои амбиции.

Все эти прогнозы будущего так ярко представились Ольге, что та в ужасе обхватила свои колени и проговорила вслух, будто кроме нее в комнате был еще кто-то: «Не дай этому случиться, не дай, слышишь!»

Она задержала дыхание и опустила голову под воду, слушая непонятный, ни на что непохожий шум, стараясь не выныривать как можно дольше. Ольга стала считать про себя, чтобы ни о чем больше не думать. На счет «пятьдесят шесть» она с всплеском выпрыгнула из-под воды, жадно глотая воздух.

«Я начну менять жизнь сегодня же!» – Ольга ощущала себя проснувшимся вулканом, готовым освободиться от всего лишнего.

Ольга решила, что начнет избавляться от всего, что ей не нравится, и начнет не завтра или с понедельника, а прямо сейчас со своего гардероба. А завтра? Завтра она разделается с работой, чего бы ей этого не стоило.

Генеральная уборка в шкафу всецело завладела вниманием девушки. Главным шагом к очищению пространства на полках стал этап под названием «свали все в кучу». Ольга даже не догадывалась, насколько много у нее одежды, пока гора из всевозможного тряпья не завалила собой диван, стол и кресла. Вот, казалось, что от нее не скрылась ни одна кофточка, как откуда ни возмись, она натыкалась на огромный пакет с давно забытыми вещами. Ольгу стало тошнить от своей жадности. Это были сокровища потребителя, который постоянно покупал одежду ради одежды. Там были и шорты с тюленями, купленные на отдыхе, и ажурные полупрозрачные блузы времен начала нулевых, и давно не актуальные платья в катышках, и радужные бюстгалтеры, и майки с мадонной. Все вещи жили своей жизнью и никаким образом не были связаны друг с другом.

Горы вещей. Такое количество одежды можно было бы разделить на несколько женщин, и ни одна не чувствовала бы себя обделенной. Ольга же, несмотря на нескончаемые запасы вещей, никогда не знала, что надеть на работу. Несколько

блуз и пара брюк – вот что составляло ее каждодневный образ. Если она и покупала что-то новенькое под влиянием настроения, то дома с досадой осознавала, что купленная вещь ни с чем не сочетается. Новый элемент гардероба безжалостно отправлялся на вешалку. Вешалок становилось все больше, но вещи так и не входили в оборот. Ольга просто забывала о них, оставляя умирать в мраке шкафов.

В ее лексиконе тоже была знакомая многим девушкам фраза «мне нечего надеть», еще глупее она казалась от того, что одеть-то можно было как минимум еще три-четыре женщины, не обделив ни одной. Просто у девушки не было ни времени, ни желания привести свой гардероб в порядок. Теперь она видела, как глупо было тратить деньги на все эти бесполезные тряпки, когда можно было купить несколько хороших вещей, которые можно было бы без труда совмещать, создавая новые образы каждый день. Еще раз оглядев комнату с разбросанными вещами, Ольга пообещала себе ничего не жалеть. Она потратила несколько часов, чтобы разобрать гардероб, разделив его на три больших категории: одежда качественная, легко совмещаемая, одежда хорошая, но совершенно не подходившая для Ольги, и одежда на выброс. Третья гора вещей была самая высокая. Это все предстояло вынести на мусор сегодня же! А на днях она пойдет в магазин и купит только то, что ей действительно необходимо, и ничего лишнего. Так пролетело пять часов. Девушка устала, но в голове прояснилось, словно она не одежду вы-

кидывала, а ненужные страхи.

Ночью Ольге приснился странный сон, который она наутро расценила как знак того, что сегодня ей придется побороться. Ей снилось змеиное гнездо, в которое она случайно наступила, разогнав маленьких змеенышей. Одна же – самая большая – змея поднялась так высоко, что встретила глазами с Ольгой. Ольга хотела убежать, но поняла, что не может пошевелиться; тогда змея показала свой тонкий дрожащий язычок и несколько раз укусила девушку. Дальше она сон не помнила, только отдельные картинки: как она была на пароме, в руках у нее билет, а кто-то ей говорит, что новые ботинки во сне означают нового мужчину; она же, посмотрев на ноги, поняла, что на ней странные меховые тапочки... А потом опять ничего не помнит.

Она точно понимала, что ей сегодня действительно придется побороться с начальницей, которой она скажет, что уходит с работы. Ее начальница – женщина молодая и властная, но еще больше ее бы охарактеризовали слова «обидчивая» и «мстительная». Каждую оплошность она принимала на свой счет, а значит, как мстительный человек, не прощала ее и даже не забывала, а ждала случая вернуть обидчику должок. Так что не было никакого сомнения, что решение Ольги оставить фирму та воспримет как глубочайшее личное оскорбление.

«Может, сказать, что я смертельно больна или моей маме нужен уход? – вдруг подумала Ольга, переполненная плохим

предчувствием из-за сна, – Ну нет... Если решила менять жизнь – так менять, я не буду врать из-за страха перед какой-то начальницей, ни разу не сказавшей мне за все годы “спасибо”».

После кружечки горячего кофе, Ольге стало поспокойнее, и она вспомнила решение, что лучше закончить бомжом на улице, но из-за своих решений, чем превратить свою жизнь в кукольный дом. Что же касается сна – то и это ее не должно волновать, неудивительно, что после стольких переживаний ее подсознание играет дикие шутки. Оно ведь тоже не железное, а она живет один раз, так что никакой сон ее не остановит.

С этими мыслями она отправилась на работу, морально готовясь к предстоящему разговору с начальницей.

Глава 3

– Слушай, да ты у нас бунтарка! – саркастично бросила Диана. – Оля, дело твое, конечно, но я бы после такого даже бы не стала с ним общаться. Развод! Один раз так поступил – поступит еще раз, поверь.

Диана – коллега Ольги по работе. Молодая невысокая женщина с пышным от природы бюстом и хрупкой талией понимала Ольгу как никто другой. В свои тридцать она уже успела развестись и воспитывала пятилетнего сына, успевая уделять время личной жизни. Бывший муж – по крайней мере, по словам самой Дианы, – не был плохим человеком, просто рутина и разные цели в жизни развели их в разные стороны. Подробностей Ольга не знала, да она никогда и не горела желанием знать больше о чужих неурядицах, когда своих хватало с головой.

Сейчас же, после того, как начальница при всех высмеяла готовность Ольги отработать законные две недели до ухода, надменно подчеркнув, что в ней больше никто не нуждается, у Ольги стало достаточно времени послушать чужие истории.

– Я даже не знаю, вернется ли он, – вздохнула Ольга, разглядывая меню, – ведь он, может быть, ушел к другой.

Диана чуть не подавилась коктейлем, услышав такую откровенность со стороны подруги.

– А как же по-другому? – воскликнула на все кафе женщина. – Знаешь, я не хотела тебе говорить, но я еще давно заподозрила, что у вас не все гладко.

– Правда? – Ольга чувствовала себя преступницей, которая не успела скрыться до приезда полиции.

– А то! Ты только на свой счет это не принимай, у них просто такая природа, вот и все. Это, так сказать, природный инстинкт размножаться: сегодня – одна, завтра – другая. Короче, ты поняла: как самки и самцы. Им даже все равно с кем и где, мозг у них в другом месте, – рассмеялась подруга. – В красной чакре!

– Так что, – продолжала воодушевленно Диана, – забей ты на него, вот мой совет. Ну с другой он сейчас, ну и флаг ему в руки! Кто же тебе мешает найти другого? Слушай, вы – свободные люди. Это он, кстати, от тебя ушел, заметь, а не ты от него.

– Ты знаешь, – вдруг задумалась Ольга, – меньше всего на свете мне хочется начинать еще одни отношения.

На самом деле, Ольга думала не только об этом. Слова бывшей коллеги ее действительно задели. Ведь до этого дня мысль, что Женя мог быть с другой женщиной, была лишь предположением. От абсолютной уверенности Дианы в его измене Ольгу стало тошнить. Да и все эти сравнения мужчин с животными, думающими «не тем местом» ей не нравились.

– Ох, подруга, – рассмеялась Диана, – ничто так не залечивает раны, как новый ухажер, даже если это просто для

того, чтобы сходить в ресторан, отвлечься.

– Пойми, дело-то и во мне, – неожиданно для себя самой выдала Ольга, – нет смысла начинать новое, если инструменты у тебя старые.

– Инструменты... – непонимающе повторила Диана, поставив стакан на стол.

– Ну, я не знаю, как объяснить. Я недавно прочла, что нельзя начинать нового, пока не поймешь, что привело к той яме, в которой ты находишься, понимаешь?

– Я знаю только, что новая дверь не откроется, если не закрыть старую – вот это понимаю, – уверенно кивнула Диана.

– Фраза правильная, но мы ее, мне кажется, не так понимаем.

– А как надо?

– Закрыть старую дверь – не значит просто бросить прошлое, это значит с ним разобраться. Опять же про яму! Нужно точно знать, что тебя в нее привело, иначе, грубо говоря, даже войдя в новую дверь, ты опять сделаешь все наперекосы и опять окажешься в яме.

Диана сначала хотела что-то сказать, но о чем-то задумалась, опустив взгляд в свой стакан.

– Интересное предположение, – грустно улыбнулась Диана.

Ольга вдруг поняла, что могла обидеть коллегу, как бы намекая, что Диана просто перебралась из одной ямы в другую. Это противоречило ее новым принципам, гласившим,

что нужно жить своей головой и своей жизнью. Пока не преуспеешь сам, не давай советов другим, тем более, когда их не просят. Она вдруг захотела пошутить, сказать, что это предположение остается только идеей, да и вряд ли подходит всем людям. Что, может, у кого-то просто другой путь, или свои уроки, или... Тут она совсем запуталась в своих жалких попытках хоть что-либо придумать, и решила вовсе не оправдываться. В конце концов, ее приятельница не сильно переживала о чувствах Ольги, открыто заявляя об измене ее мужа, которая была всего лишь догадкой.

– Слушай, а как там Димчик? – улыбнулась Ольга, в надежде сменить разговор.

Диана еще больше помрачнела. Ольге казалось, что она вот-вот то ли рассмеется, то ли расплачется.

– Да отлично, на бокс записала его недавно, но ему пока не очень нравится, так что, может, придется забрать его оттуда. Он говорит, что хочет ходить на футбол. Но я даже не знаю. Плохие у меня ассоциации с футболистами.

Не стоит объяснять, что бывший муж Дианы был футболистом, и желание ребенка быть похожим на отца хоть и было вполне логичным, раздражало Диану. Ей все еще было больно за свой брак, хоть она никому в этом не признавалась.

И опять молчание. Ольга чувствовала себя ужасно, неудобно, но одновременно хорошо. Она не попыталась умалить свои идеи, выставить себя полной дурой и отказаться от своих идей из страха перед чужим мнением. Ее пугало это новое

чувство. Не то, чтобы теперь она хотела бегать по городу и обижать каждого встречного. Ни в коем случае! Она просто больше не хотела обижать себя. А другие могли сами отвечать за себя и свои поступки.

– В любом случае, я сейчас брошена, – вдруг искренне рассмеялась Ольга, – так что захочешь погулять с детьми – звони. Пойдем в кино или в зоопарк, как тебя идея?

Диана пристально посмотрела на Ольгу.

– Не ты одна, – криво улыбнулась Диана. – А насчет зоопарка – я только «за», хватит каждые выходные тратить впусую на всяких... , хочу погулять с сыном. Понимаешь?

Ольга не совсем понимала Диану, но суть ей, казалось, открылась. Диана тратит свои силы и все свое время, чтобы казаться уверенной и желанной, она веселая и привлекательная, к тому же еще и кокетка. Но Ольге вдруг стало страшно от перспективы стать похожей на подругу.

Конечно, Ольга не сказала ничего из того, о чем подумала. Она вдруг осознала, что Диана, на которую Ольга постоянно равнялась, говоря, как же ей повезло с внешностью, свободой и чувством юмора, возможно, была несчастнее ее.

– Слушай, Оль, – начала женщина, одновременно помахав официанту, чтобы оплатить свой коктейль с мороженым, – ты не переживай сильно. Все обязательно наладится, плюнь на него с девятиэтажки и живи дальше. Один поезд ушел, пришел другой.

Диана вдруг рассмеялась:

– Ой, только не начинай, что нужно разобраться с первым поездом, чтобы сесть на второй, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Ольга.

Только вот подумала Ольга не почему не вышло с первым поездом, а почему вышло так, что поезд уехал без нее.

Они вместе вышли из кафе и прогулялись до остановки, где их ждали разные автобусы. Тему отношений Ольга старалась больше не поднимать, стараясь уводить разговор к работе, погоде, мечтам и детским воспоминаниям. Ольга подумала, что могла бы подружиться с Дианой, но почему-то была уверена, что та ей больше не позвонит. Диана же думала только о своем сыне, который почти все время жил с отцом и его новой женой, пока Диана проводила дни на работе, а вечера – на встречах с новым молодым человеком. Она просто пыталась поскорее создать семью, куда можно было бы уже окончательно забрать сына. Но, возможно, она действовала не так. Ей нужно было серьезно все пересмотреть.

«Завтра твои вещи окажутся на мусорке, раз уж ты тут все равно больше не живешь». Ольга несколько раз перечитала сообщение, написанное для Жени. Нет, она понимала, что автор этих слов не она, а страх и обида. Она не хотела начинать разговор таким образом, если разговор вообще последует. Она стерла сообщение и стала набирать новое.

«Женя, почему ты не объявляешься, может, мне тебя уже в морге искать? Ты хоть живой?».

Опять не то! При чем тут морг, больницы или без вести пропавшие? Она понимала, что на это он может вспылить и будет в чем-то даже прав, ведь ему не десять лет, он взрослый мужчина, который может о себе позаботиться.

Но все же она жена, хотя бы пока что, а значит, имеет право знать, где находится отец ее ребенка.

«Ну и где тебя носит вторую неделю? Может ты забыл, что у тебя есть семья и обязательства? Или ты хочешь, чтобы я заглянула к тебе в офис?»

Она снова перечитала сообщение. В голове была полная неразбериха.

– Нет, пора заканчивать этот цирк, – Ольга нажала на «отправить», не дав себе и секунды на поиск очередного оправдания. Она специально отправила сообщением, чтобы не поддаваться искушению удалить или исправить свое послание в мессенджерах. Ответа не последовало.

Следующий день прошел с телефоном в руках. Ольга ничем не могла заниматься, могла только каждые пять минут проверять, пришел ли ответ от Жени.

Он не приходил.

В какой-то момент она так разозлилась, что действительно стала собираться навестить мужа в офисе. Хотя поведение жены-наседки ей было противно. Что она скажет? «Простите, мой муж ушел из дома, можно я зайду в офис поговорю с ним?» Сомнительно. Даже пройдя в офис под предлогом занести мужу обед, что она скажет Жене? Устроит скандал

у всех на виду? Ну уж нет, такого она бы себе не позволила. А что если он станет игнорировать ее? Тогда она выставит себя полной дурой перед всем офисом.

Но, может, он, увидев жену, бросится к ней с извинениями?

Около часа Ольга сидела у окна и размышляла, стоит ли поехать к мужу на работу или нет.

Последние несколько дней Ольга сидела в четырех стенах, даже не выходя на улицу. Первые два дня она опустошала запасы холодильника. Когда он опустел, стала заказывать азиатскую еду на дом. Целыми днями она смотрела бессмысленные шоу по телевизору, пыталась читать книги по семейной психологии, но не выдерживала и двух глав: слишком уж все в них было категорично.

Мысли о том, что она зря уволилась, стали снова атаковать Ольгу. Она то и дело ловила себя на мысли, что работа отвлекала ее от всех этих переживаний. Что все могло бы разрешиться само собой, пока она бы писала очередное письмо клиенту.

Странно было одно: все эти сомнения были до невозможности похожи на то, что говорили ей коллеги, друзья и родители. Это были их страхи, их опасения и их прогнозы, но не ее.

Ольга решила не ехать на работу к мужу, да и вообще не пытаться его найти. Она пыталась забыться в уборке, чтении, планах на будущее, с которыми она все еще не могла опре-

делиться.

Весь вечер она провела на диване: сначала – за просмотром семейных фото, затем – за прослушиванием любимых песен периода ранней юности. Она настолько разучилась понимать свои чувства и желания, что даже не могла дать однозначного ответа на простой вопрос, хочет ли она жить дальше с Женей или хочет развода.

Ответ не пришел.

Следующий день прошел куда более продуктивно. Ольга проснулась с необъяснимым намерением пойти в парк бабочек. Как бы глупо это не звучало, она решила поддаться тихому голосу своих желаний. Сначала ей было стыдно перед самой собой и дочкой, что она решила пойти без нее, сама. Словно таким поступком она чего-то лишала Варю, словно ей нельзя было провести время без дочки. Пару раз она подумывала подождать окончания занятий в школе и взять Варю с собой. Но эта идея не внушала ей энтузиазма. Нет, ей не было жалко денег и времени, она хоть завтра запланирует Варе ежедневные походы в зоопарки, парки бабочек или еще что только может прийти в голову. Но сегодня она хотела побыть одной, не следить, чтобы другому было хорошо, а спокойно насладиться тем, что она так любит.

Решено. Она идет в парк бабочек и идет туда одна.

В просторном помещении расположился настоящий тропический рай: яркие лампы, имитирующие солнечный свет, цветущие тропические растения, декоративный фонтан и,

конечно же, бабочки. Невесомые, яркие, чудесные создания. Бабочки! Назвать их насекомыми не поворачивался язык. Грация полетов, манящая красота окраса бархатистых крыльев, их волшебный, почти мистический танец наполняли сердце радостью. Той детской, искренней радостью, которую Ольга уже давно не чувствовала.

Она словно вышла за рамки реальности, оставила свою настоящую жизнь и попала в чудесную страну, где не было места проблемам, ссорам и расставаниям. Элегантные танцовщицы с крыльями кружили вокруг нее, садились ей на нос, заставляли сердце учащенно биться, а разум – позабыть обо всем. Она смеялась и охала, когда очередная тропическая бабочка садилась на плечи, она замирала, чтобы не спугнуть этих волшебниц. Несколько раз она была близка к тому, чтобы закружиться в танце вместе с бабочками, притворяясь одной из них. Но мимолетные взгляды нескольких посетителей и охранника, находившихся в этом искусственном тропическом раю, остановили ее. Но в душе она танцевала. Ей будто снова стало десять лет, она потеряла ощущение возраста, когда стала шепотом разговаривать с бабочками, шутливо спрашивая, как так вышло, что она не одна из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.